

Халапсис Алексей Владиславович,
доктор философских наук, профессор,
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел

«ДЕНАРИЙ ХРИСТА»: ДВЕ ПАРАДИГМЫ МИРОУСТРОЙСТВА

Уплата налогов — дело всегда болезненное, а уж если платить приходится захватчикам — то еще и унижительное. Среди покоренных римлянами народов были и иудеи, которые считали себя избранным народом Всемогущего Бога. Примириться с фактом своего подчинения язычникам было тем сложнее, что вера в избранничество сулила им всемирное владычество. Разрулить ситуацию должен был Мессия, надежда на скорый приход которого особенно подогревалась указанным когнитивным диссонансом.

Со стороны фарисеев было вполне естественно «прощупать» Иисуса — в котором некоторые стали видеть Мессию — на предмет политической позиции. Кроме того, проверка была прекрасным поводом для получения компромата. Короче говоря, ему задали вопрос, который был бы убийственным для любого кандидата в Спасители, и именно: платить ли им дань кесарю? Если бы Иисус ответил утвердительно, это был бы ответ здравомыслящего человека, но никак не Мессии, которого Бог послал своему избранному народу. Если бы Иисус ответил отрицательно, то можно было бы сразу звать римский патруль: мало какое преступление могло соперничать в тяжести с призывом к уклонению от налогов. Иисус же в ответ попросил показать монету, которой платятся налоги. Когда ему показали денарий, он спросил, чье там изображение и подпись? Услышав, что изображен там кесарь, он и сказал свою знаменитую фразу: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Обескураженные столь ловким ответом, фарисеи ретировались (Мф. 22:15-22; Мк. 12:13-17; Лк. 20:20-26).

О смысле слов Христа теологами сказано немало, но я сейчас веду разговор не о различиях между «царством духа» и «царством кесаря». Меня сейчас интересует вещь, которая является в этой истории центральной, но которая, тем не менее, оказалась незамеченной. *Какую монету показали Христу?*

Такой вопрос может показаться слишком частным. Вроде бы, сама по себе монета здесь роли не играет, она — лишь символ. Это могла быть любая монета, оказавшаяся под рукой у фарисеев. Тем не менее, кто на ней был изображен и что на ней было написано, в общих чертах предположить не так уж сложно, тем более, что ключевые подсказки в Св. Писании присутствуют. На римских денариях того времени могли быть разные изображения на реверсе, но на аверсе всегда был правитель. Этот факт подтверждают и евангелисты, а именно: там был изображен кесарь и титул стоял кесарев.

Родился Иисус в правление Августа, но его проповедь и смерть пришлась на правление Тиберия (14—37 гг.). Стало быть, на монете почти наверняка был изображен последний. Монета (в оригинале употребляется слово «δηνάριον»), о которой идет речь в Евангелиях, вполне могла быть примерно такого образца:



Денарий, 15—16 гг., серебро (3,87 г.). Аверс — Тиберий, TI CAESAR DIVI AVGVSTI AVG F AVGVSTVS, реверс — Тиберий в квадриге, TR POT XVII IMP VII. (изображения и описание монет взяты с сайта <http://www.munze.ru>).

Легенда монеты читается так: «Tiberius Caesar Divi Augusti filius Augustus, Tribunicia potestatis XVII, Imperator VII», что означает: «Тиберий Цезарь Август, сын божественного Августа, наделен властью народного трибуна 17 раз, император 7 раз».

Впрочем, под «δηνάριον» могла пониматься любая серебряная монета, например, такая тетрадрахма, которая чеканилась для грекоязычных провинций:



Тетрадрахма (Александрия), 20—21 гг., серебро (13,1 г.).
Аверс — Тиберий (ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡ ΣΕΒΑΣΤΟΣ),
реверс — Август (ΘΕΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΣ).

На монетах Тиберия часто присутствовали изображения и Августа, как здесь — в лучевом венке и с соответствующей подписью: ΘΕΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΣ — божественный Август (Σεβαστός — дословный перевод на греческий латинского Augustus).

Итак, на вопрос Христа: «чье это изображение и надпись?», он услы-

шал ответ: «кесаревы». Пикантность ситуации в том, что изображен на монете был не просто кесарь, но — «сын бога» (Тиберий), а возможно — что и «бог» (Август), о чем было прямым текстом сказано в ее легенде¹. И именно на изображение правителя и на его титул обратил внимание Христос своих собеседников, заставив их *рассматривать* денарий. Последний в этом контексте приобретает смысл политико-теологической концепции, увязывающей теснейшим образом политическую власть и божественность. Стало быть, фраза «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» указывает не только на разделенность сакрального и мирского, но и на запрет почитания земного правителя как бога. Возможно, Иисус Христос ничего не имел против власти Тиберия Цезаря, однако он отказывался признать, что Римом правит *еще один сын бога*.

Юлий Цезарь и Октавиан Август носили титул «отца отечества», и оба они были после смерти обожествлены постановлением сената. Римляне приносили присягу на верность *делам Августа*, причем в восточных провинциях его еще при жизни именовали «богом». Едва ли Христос желал, чтобы его ученики называли «отцом» (и «богом») римского императора и клялись в верности его делам. Тогда становится понятным и столь же неоднозначный запрет на произнесение клятвы. Стало быть, слова «и отцом себе не называйте никого на земле...» подразумевают не столько отношения между членами общины и ее руководителями (мирянами и священниками), сколько отношение к языческому государству.

Человек комфортно чувствует себя в родовом мире, где он четко представляет свое место в связи поколений, почитая предков и землю предков. Родовая религия вполне органично вписывается в эту парадигму, являясь ее идеологическим обоснованием. Язычество объединяет «своих», противопоставляя их «чужим» на основе принадлежности к роду, связи с землей. Культ предков апеллирует к родству, к понятию семьи, общины; он выстраивается вокруг этнических факторов человеческого бытия и всегда лежит в основе *национальной* религии.

Христианство же позиционируется как *неэтническая* религия, отвергающая культ предков как таковой. Поскольку же всякое «язычество» основывается на идее рода, а стержнем последней есть представление об отцовст-

¹Теоретически у фарисеев могла оказаться монета, отчеканенная при Августе или даже при Цезаре. В любом случае, кто бы из кесарей ни был на ней изображен, в глазах римлян это был либо «бог» (Юлий Цезарь), либо «сын божий» (Тиберий), либо — и «бог», и «сын божий» (Август). Правда, была разница между понятием «бог» (*deus*) и «божественный» (*divus*). Грамматик Мавр Сервий Гонорат указывал, что слово «*deus*» использовалось для обозначения *вечных богов* (*deos perpetuos*), а «*divus*» для наименования людей, которые *стали богами* (*divos ex hominibus factos*)[1, p. 318]. У греков же (а по-гречески говорил почти весь восток империи) не было слова, эквивалентного *divus*; они называли обожествленного правителя просто *θεός* (как в приведенном примере тетрадрахмы), чем полностью нивелировалась эта тонкая филологическая грань.

ве (*род*-ной отец — отец *рода* (патриарх) — отец на-*рода* (отец отечества) и т.д.), то Христос наносит удар именно по фундаменту мировоззрения, которому он противопоставил собственное учение.

Но оппозиционность раннего христианства по отношению к империи — это все же частный случай. Центральной темой здесь была борьба с язычеством (в том числе, и внутри иудаизма с его племенной (коленной) структурой), а римские обычаи были квинтэссенцией того, против чего было направлено учение Иисуса. Ему необходимо было отказаться от общинных, родовых, семейных культов, от всего этнического, от привязанности к отечеству и присяги его «отцам». Причем, это касается не только государства, но и семьи — «государства в миниатюре».

Императоры были лидерами «общины крови», и именно в этом смысле представляли конкурирующую модель мироустройства. «Нельзя служить двум господам». Тот, кто считает Августа богом и сыном бога, не признает аналогичный статус за Христом, и наоборот, последователь Христа не должен признавать божественность Августа. Это было не противостояние (заочное) двух личностей, но — двух альтернативных концепций.

Все, что есть важного для государства, оказывается лишенным значения для человека, который серьезно принимает учение Христа и рассматривает его как руководство к действию [2]. Но такие крайние формы религиозности, будучи уделом отдельных личностей, не могут выступать в качестве общественного стандарта; не может существовать государство, если все его члены забросят свои мирские дела и займутся поисками Царствия Небесного.

У ранних христиан был план борьбы с миром, но не было плана его переустройства. Ни Христос, ни его ученики не занимались политикой, не разрабатывали политические и социальные доктрины. По отношению к государству вообще, Римской империи — в частности, христианская община выступала в роли антисистемы. Град Божий объявил непримиримую войну граду земному. Когда же эта новая сила победила, стало очевидно, что без кардинального перерождения оно обречено, ибо христианство в своем первоначальном смысле не могло стать основой какого бы то ни было государства. Его пришлось адаптировать под задачи государственного строительства, но ценой этому была полная трансформация, искажившая до неузнаваемости изначальный месседж.

Строительство христианского государства (первый опыт которого дала та же Римская империя) велось экспромтом; гонимые и притесняемые оказались вдруг на месте гонителей, но ни Иисус, ни Петр, ни Павел не оставили им инструкций по государственному управлению; их пришлось создавать по ходу дела. Сторонники евангельского радикализма и нонконформизма в Церкви остались, но задавали тон уже не они, а те иерархи, которые находили способы приспособиться к политическим реалиям и перейти к активной коллаборации с имперской администрацией.

«Государственное христианство» IV—V веков сильно отличалось от

«катакомбного християнства» предшествуючих трех столетий, но дело не только в деградации апостольских идеалов. С приданием християнству статуса *государственной религии* стали складываться условия для его превращения в цивилизационный фактор. Последний не может основываться на жизнеотрицании; неотмирной религии пришлось *адаптироваться* к сущему, решая «проблему совместимости».

Именно эту задачу и решали лидеры «государственного християнства»; трудно не увидеть в этом отход от «евангельских идеалов», но бессмысленно их в этом упрекать. Только на проповедях жизнеспособное общество построить нельзя, ибо высоту и глубину идеалов постигают лишь немногие; еще меньше тех, кто готов им следовать. Основы християнской цивилизации заложили первые християне, но ее создали именно «вторые», которые смогли примирить двух заклятых врагов — государство и Церковь.

Бібліографічні посилання:

1. Servius M. N. Commentarii in Virgilium. Gottingae: Vandenhoeck et Ruprecht, 1826. 593 p.
2. Халапсіс О. В. Римський патріотизм і християнська релігія. // Суспільно-політичні процеси. 2017. №6-7(2-3). С. 251-267.

Худан Анастасія,
студентка Дніпропетровського державного
університету внутрішніх справ,
Шубенок Тамара Івнівна,
викладач Дніпропетровського державного
університету внутрішніх справ

ЗНАЧЕННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ В ЖИТТІ МАЙБУТНЬОГО ПРАВООХОРОНЦЯ

У сучасному світі кожна людина хотіла б реалізуватися у різних сферах життя. Насамперед у бізнесі, кар'єрі, для цього і потрібно вивчати та удосконалювати іноземну мову.

Головною перевагою є те що додаткові знання дають можливість розвиватися не тільки на всеукраїнському, а і на міжнародному рівнях. За допомогою іноземних мов стає можливим зануритися у світ спілкування із людьми іншого менталітету та світогляду.

Чи відіграє іноземна мова важливу роль у професії держслужбовців? Однозначно – так .

По-перше, для юристів характерна робота з документацією, особливо якщо вони спеціалізуються на міжнародному та господарському праві.

Зрештою, сфера діяльності юристів дуже масштабна, вона охоплює усі сторони суспільного життя, а також необхідність співпраці з іноземними клі-